военных, журналистов, переводчиков, работающих в зоне конфликта, а также сотрудников международных организаций, созданных для поддержания и укрепления международного мира и безопасности.

Статья выполнена при поддержке гранта Республики Башкортостан молодым ученым №1ГР от 14.03.2019, в рамках проекта «Сопоставительное исследование профессионального дискурса в разноструктурных языках»

1. Абдуллина Л.Б., Абдул Манан О.Г. К истории изучения дари и персидского языков // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – №11 (28). – Том I – С.46-49.
2. Азнабаев М.Т. Русско-башкирский толковый словарь медицинских терминов – Уфа, 2007. – 839 с.
3. Величко О.В. Англо-французские заимствования в русской медицинской терминологии: автореф. дисс...канд.филол.наук. – Астрахань, 2010. – 21 с.
4. Гладкова Е.Л. Сердце сердцу весть подает // Родина. – 2001. – № 5. – С. 23-26.
5. Гайсина Г.Р. Персидские заимствования в башкирском языке. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Уфа, 2008.
6. Иванов В.Б. Учебник персидского языка. – М.: Садр, 2016. – 417 с.
7. Из истории развития медицинской терминологии // Медицинская энциклопедия [Электронное издание]. – URL: <http://lektsii.com/9-14571.html>
8. Минц Ю. Персидский и французский: Заимствованные заимствования [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.flarus.ru/?topic=3050>
9. Паре Амбруаз. История медицины [Электронное издание]. – URL: www.historymed.ru/encyclopedia/doctors/index.php?ELEMENT_ID=4875

Агафонова Н.А., Рябова Г.В.

Диалектные особенности эрзянских говоров республики Башкортостан

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва»
(Россия, Саранск)*

doi: 10.18411/lj-09-2019-125

idsp: ljjournal-09-2019-125

Аннотация

Статья подготовлена на основе полевых материалов, собранных авторами во время лингвистических экспедиций в местах компактного проживания эрзи за пределами Республики Мордовия. Изолированное проживание эрзи Башкортостана от основной массы эрзянского населения способствовало сохранению многих архаичных явлений языка-основы в грамматической системе диалектов. Анализ языкового материала позволил выявить ряд архаичных явлений в морфологической системе этих говоров.

Ключевые слова: диалект, ареал, архаичные явления, парадигма, падеж, лично-притяжательные суффиксы.

Abstract

The article was prepared on the basis of field materials collected by the authors during linguistic expeditions in places of compact residence of Erzya outside the Republic of Mordovia. The isolated residence of Erzya of Bashkortostan from the bulk of the Erzya population contributed to the preservation of many archaic phenomena of the basic language in the grammatical system of dialects. An analysis of the linguistic material revealed a number of archaic phenomena in the morphological system of these dialects.

Keywords: dialect, range, archaic phenomena, paradigm, case, personal possessive suffixes

История мордовских языков – это, прежде всего, история их диалектов. Мордовский диалектологический ареал характеризуется обширностью территорий. Многие эрзянские говоры имеют разнородную диалектную основу. Носители их были

выходцами из разных мест и, таким образом, представляли разные типы диалектов, в которых уже в их изначальном состоянии были заложены черты полидиалектной основы (Цыганкин 1976: 6).

Объектом данного исследования являются эрзянские говоры на территории Башкортостана. Появление мордовских говоров Башкортостана связано с массовой миграцией эрзи и мокши с прежнего местожительства. Эти говоры можно еще назвать переселенческими говорами. По мнению В.И. Козлова, основной результат этих миграций выражается в том, что расселение мордвы приобрело смешанный характер (Козлов 1960: 20).

В настоящей статье анализируются диалектные особенности эрзянских говоров Ермакеевского района Башкортостана. Ермакеевский район находится на стыке двух республик – Башкортостана и Татарстана, а также Оренбургской области. В этом районе три эрзянских села: Новые Сулли, Михайловка и Средняя Кармала. Исторически сложилось так, что соседями эрзи являются татары, чуваша, удмурты, башкиры и русские.

Село Новые Сулли, выделенное нами опорным пунктом эрзянских говоров этого района, расположено у подножья Белебеевской горы, в 45 км от железной дороги, станции Приютово, в 40 км от г. Белебей и в 250 км от столицы Уфы. Проживающие по соседству удмурты эрзян называют мукшыкшно, а эрзяне их – отякт.

В 15 км от села Новые Сулли расположено большое смешанное село Кармала. В Средней Кармале живут эрзя, в Верхней Кармале – чуваша и в Нижней Кармале – татары. В 5 км от села Новые Сулли раскинулась эрзянская деревня Михайловка.

По мордовским говорам Башкортостана имеется работа М.С. Биушкина «Звуковая система фёдоровского диалекта эрзя-мордовского языка на территории Башкирской АССР» (1968). Кроме этого, в 1972 году в Фёдоровском районе Башкирии работала лингвистическая экспедиция НИИЯЛИЭ. Следует отметить, что 9 песен на разные темы говора Сулли опубликованы в VII томе материалов Хейкки Паасонена (Paasonen 1980: 78-95).

До настоящего времени эрзянские говоры Ермакеевского района Башкортостана не были объектом специального изучения. Анализ полевого материала позволил выявить ряд архаичных явлений в морфологической системе этих говоров.

1. В анализируемых говорах вместо вопросительного местоимения *зяро* «сколько» эрзянского литературного языка зафиксировано местоимение *kol'i*, как в говоре села Ичалки Республики Мордовия: *kol'i sat* «когда придёшь?», *kol'i t'ejez'el* «когда было сделано?».

2. Вместо послелога *марто* «с» эрзянского литературного языка зафиксирован послелог маро: *v'ed' maro* «с водой», *sondo maro* «с ним», *pakša maro* «с ребёнком».

3. В рассматриваемых говорах суффикс датива имен существительных выявляется без конечного согласного *-n'* и представлен в виде усеченного суффикса в основном склонении *-n'e / -ne*, в указательном склонении *-n't'e*: *avan'e* «матери», *d'evkan'e* «девушке», *tatarne* «татарину», *pakšan't'e / ekakšon't'e* «этому ребёнку», *čuvton't'e* «этому дереву».

Необходимо отметить, что усеченная форма датива также характерна для смешанных говоров Самарской области, Оренбуржья, Татарии, говоров на скафтымской мордвы Пензенской области и большеигнатовского диалекта Республики Мордовия.

Датив местоимений, как и имен существительных, также имеет усечённый суффикс. Однако, кроме суффикса *-n'e/-ne* в говоре с. Михайловка зафиксирован суффикс *-n'd'e*, сравните: *mon'e – mon'd'e* «мне, ко мне», *ton'e – ton'd'e* «тебе, к тебе». Суффикс *-n'd'e* характерен для мокшанизированных эрзянских говоров Самарской области, а также зафиксирован в некоторых говорах юго-восточного типа, например, в говоре с. Морд. Давыдово Кочкуровского района (Объединкин 1963: 59) и в дракинском диалекте Торбеевского района Республики Мордовия (Якушкин 1961: 229-230).

4. В анализируемых говорах в абессиве наличествуют 2 формы: *p'iks-(t)-ne-vt'em'e* и *p'iks-e-t'-n'e-n'-t'em'e* «без этих веревок», которые имеют разные структуры: 1) *p'iks-ne-vt'em'e* (корень + морфема определенности + падежный суффикс); 2) *p'ikset'n'en't'em'e* (корень + морфема определенности + суффикс генитива + суффикс абессива).

5. В говорах Ермакеевского района в системе лично-притяжательных суффиксов в I-ой и II-ой сериях для 1 л. ед. ч. наличествует суффикс *-m*: *vejke sazero-m* «одна моя сестра» и *n'il'e sazero-m* «четыре сестры мои». Суффикс *-m* зафиксирован во всех падежных формах: *d'evkado-m* «о дочери моей, о дочерях моих», *kudoso-m* «в доме моем, в домах моих», *jalga-m-tomo* «без друга моего, без друзей моих».

Это же явление характерно для эрзянских говоров юго-восточного, западного и некоторых говоров центрального типа Республики Мордовия (Цыганкин 1978: 120; Объединен 1961: 145-146; 1963: 16).

6. В ряде «*sonze (sondo / sonde)*» в описываемых говорах нами зафиксирован только посессивный суффикс *-ndo / -nde*: *kudondo* «дома его», *d'evkazondo* «девушке его», *avadondo* «о матери его», *k'emende* «сапоги его» и т.д.

Сравнивая языковой материал Хейкки Паасонена и собранный нами материал, видно, что в текстах Х. Паасонена в говоре с. Сулли ни разу не зарегистрирован посессивный суффикс 3 л. ед. ч. *-ndo / -nde*, характерный для эрзянских говоров Самарской области, Оренбуржья, Татарии и Башкортостана. Это вносит некоторые сомнения. Как уже отмечалось выше, говор с. Новые Сулли имеет разнородную диалектную основу. Носители их были выходцами из разных мест проживания и представляли разные типы диалектов, в которых изначально были заложены черты полидиалектной основы. Со временем, как пишет Д. В. Цыганкин, происходило постепенное смешение и появление в них разного рода ассимилятивных процессов (Цыганкин 1979: 6-7). Другими словами, посессивный суффикс *-nzo/-nze* ассимилируется суффиксом *-ndo/-nde*.

7. В парадигме словоизменения вместо синтетических форм, начиная с аблатива, чаще всего встречаются послеложные конструкции: *mon' ejste* «обо мне», *mon' eška* «с меня (ростом или по возрасту)».

8. Личные суффиксы глагола 1-ого и 2-ого лица множественного числа имеют расхождения по сравнению с другими эрзянскими говорами. Морфологическим маркером 1-ого множественного числа в индикативе являются *-tank / -t'ank / -d'ank, -tan / -t'an / -d'an*: *mol'd'ank / mol't'an / mol'd'an* «мы пойдём», *kišt'ank / kišt'an* «мы пляшем», *ojms'et'ank / ojms'et'an* «мы отдыхаем», *karmatank / karmatan* «будем».

Морфологическим маркером 2-ого лица множественного числа выступают суффиксы *-t'ad / -tad / -dad*: *mol't'ad* «вы идёте», *vantad* «вы смотрите», *kičt'ad* «вы пляшете», *ojms'et'ad* «вы отдыхаете».

9. 9. Словосочетания с модальным словом *er'av'i* «нужно, надо» и инфинитивом на *-ms* зачастую заменяются инфинитивом с морфологическим маркером *-mka*, сравните:

э. л.	д. ф.	русский
эряви модемс базаров	<i>mol'emka bazarov</i>	«нужно идти на базар»
эряви тедемс ламо тевть	<i>t'ejemka lamo t'evt</i>	«нужно делать дела»
аванень эряви кандомс ведь	<i>avan'e kandomka v'ed'</i>	«матери надо принести воды»

Вместо многократного суффикса глагола *-n'*, в позиции перед *-t-*, употребляется суффикс *-l'*, сравните:

э. л.	д. ф.	русский
кевктнемс	<i>k'evks'l'ems</i>	«спрашивать»
тонавтнемс	<i>tonavl'ems</i>	«учиться»
сэвтнемс пона	<i>sevl'ems pona</i>	«трепать шерсть»

В объектном спряжении по ряду *ton sinst* «ты их» в индикативе и императиве морфологический маркер *-t'* отсутствует и маркируется нулевым суффиксом:

э. л.	д. ф.	русский
ансыть	<i>ansi</i>	«ты их накормишь»
андыть	<i>andi</i>	«ты их накорми»
каить	<i>kaji</i>	«ты их сними»
сайть	<i>saji</i>	«ты их возьми»

Анализ данного языкового материала показывает, что эти говоры по своим особенностям близки к говорам «нижегородской мордвы». Это также подтверждается документами, свидетельствующими об истории заселения этого региона.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00323

1. Биушкин М.С. Звуковая система фёдоровского диалекта эрзя-мордовского языка на территории Башкирской АССР // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. Т. 5. С. 199-317.
2. Козлов В.И. Расселение мордвы (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 5-62.
3. Обьедкин В.Д. Старотурдаковский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. Т. 1. С. 100-196.
4. Обьедкин В.Д. Говор села Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 37-98.
5. Цыганкин Д.В. Категория принадлежности и её особенности в диалектах эрзя-мордовского языка // Финно-угристика. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1978. Вып. 1. С. 116 - 149.
6. Цыганкин Д.В. Фонетика эрзянских диалектов. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 1979. 112 с.
7. Якушкин А.В. Дракинский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1961. Т. 1. С. 197-293.
8. Paasonen H. Mordwinische Volksdichtung. Helsinki: MSFOu., 1980. Bd. VII. S. 78-95.

Бусыгина Е.А.

Вяч. Иванов — мэтр русского символизма

*Санкт-Петербургское суворовское военное училище Министерства обороны РФ
(Россия, Санкт-Петербург)*

doi: 10.18411/lj-09-2019-126

idsp: ljjournal-09-2019-126

Аннотация

В статье определяется место Вяч. Иванова (1866–1949) в литературном процессе начала 1900-х годов, характеризуется изученность данной темы, предложен обзор отношений литераторов с мэтром в 1900-е годы. В центре нашего внимания 1900-ые годы до смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Особая интенсивность литературной жизни приходилась на время существования салона на Башне до смерти Зиновьевой-Аннибал, поэтому основной период исследования первый петербургский период — переезд Иванова в Петербург, эпоха Сред (литературный салон) и те отношения, которые там завязывались. Обзор литературных контактов позволяет выделить круг ближайших молодых единомышленников Вяч. Иванова в 1900-е годы. Предпринятое в данной работе рассмотрение литературного окружения Вяч. Иванова в 1900-е годы позволило выявить глубинную связанность творчества ряда молодых писателей с эстетическими идеями и поэтикой произведений Вяч. Иванова.

Ключевые слова: Башня Вяч. Иванова, молодые литераторы из окружения Вяч. Иванова, мэтр, ведущий теоретик русского символистского движения.

Abstract

In the article the seat of V. Ivanov is defined (1866–1949) in literary process of the beginning of 1900th years, the level of scrutiny of the given subject matter is characterized, the review of attitudes of writers with the master in 1900th years is offered. In the center of